

УДК 94(470.24):930(045)

*Н.В. Халявин***ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД В ТРУДАХ А.П. ЩАПОВА**

Статья обращается к творчеству А. П. Щапова – русского историка второй половины XIX в., которого относят к демократическому или народническому направлению отечественной историографии. Приводится анализ отражения новгородской истории в трудах историка. Отмечается особая роль Новгорода в регионально-областной концепции ученого. Выделяются отдельные темы из новгородской истории, нашедшие место в работах А. П. Щапова. Рассматривается изучение новгородской колонизации, складывание особой «полярно-балтийской федерации», ее историко-географическая характеристика и особенности социального состава участников колонизационного движения. Раскрывается оценка вечевого строя Новгорода, содержащаяся в работах А. П. Щапова, говорится об основных функциях («предметы ведения») вечевых собраний, выделенных историком. Определяется характер его отношения к демократическому устройству Новгорода, его противопоставление московской политике централизации русского государства. Делается вывод о ключевом значении новгородской истории для обоснования регионально-областной концепции ученого.

Ключевые слова: история Великого Новгорода, отечественная историография, А. П. Щапов, областническая теория.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-1-44-50

Оригинальная областническая концепция русской истории, предложенная А. П. Щаповым, привлекла к себе внимание научного сообщества с момента ее появления. При этом было очевидно, что самобытные исторические взгляды исследователя неотделимы от демократических ценностей, которые он исповедовал, его народнического сознания. Вероятно, именно в созвучности историка революционно-демократическим запросам общества нужно искать причины заметной популярности ученого, не смотря на «тяжелый и невозделанный язык» [1, с. 37], которым отличались его произведения. Поэтому в биографическом очерке, открывающем издание сочинений А. П. Щапова, его современник Г. А. Лучинский с полным правом отмечал, что «Щапов своею областною или земскою теорией вызвал среди молодежи движение, направил ее силы на служение родному краю» [2, с. с. LXXXIV], а советский историограф Н. Л. Рубинштейн говорил, что «в своих исходных теоретических позициях Щапов ближе всего стоял к просветительству 60-х годов» [4, с. 388].

Сам А. П. Щапов, откликаясь на сложившиеся отечественные традиции историописания, выражал категорическое несогласие с тем, что «у нас доселе господствовала в изложении русской истории идея централизации... Все особенности, направления и факты областной исторической жизни подвинулись под одну идею правительственно-государственного, централизационного развития». Эта идея, по мнению ученого, затмевала главные основания русской истории, вводила от сути исторических процессов, идущих в России, поскольку «Русская история, в самой основе своей, есть по преимуществу история областей, разнообразных ассоциаций разнообразных масс народа» [5, с. 648].

Одно из центральных мест в областнической теории А. П. Щапова занимали земли Великого Новгорода с его демократическими вечевыми традициями. Границы, которые определяли «географическое единство» этой территории, ученый проводил довольно широко: он ограничивал их районом речной системы Чудского озера, Финского залива и Ладожского озера, озера Ильмень, реки Волхов и речной системой Северной Двины. Эти обширные земли с юга отделялись волоками и увалами от речной системы Волги, а на севере были замкнуты морем. Здесь, по мнению историка, сложилась особая «полярно-балтийская федерация», которая представляла «естественно-цельную, связную, округленную географическую область, для образования одной, цельной, колонизационно-федеративной земской общины». Эта территория, заселенная финскими и славянскими племенами, была постепенно освоена усилиями церкви и «вольно-народной колонизацией земских людей», превратилась в область новгородскую и «по единству, по цельности земли, называлась *землею новгородскою* (курсив – А. П. Щапова), а по народно-вечевому, политическому самовластию – *государством новгородскимъ*» [Там же, с. 655].

Колонизация всех этих пространств в описании Щапова напоминает волны, которые исходят из начальной точки и распространяются на периферию. Начало процессу задал Новгород, первоосновой которого ученый называл «починок Славно-Торга», тогда как Софийская сторона была средоточием «пришлых, чуждых элементов церковно-и-княжеско-служилых» [6, с. 791–792]. Таким образом, зарождение города произошло на Торговой стороне: «изъ *Славно-Торга*, перваго славянскаго починка-села на Волхове, развился могучий и богатый *великий государь Новгородъ*» [12, с. 780]. Из слов ученого можно понять, что все русские города возникают из сел и слобод, чему способствует развитие промыслов и торговли, – это «первичная, естественно-архитектоническая, излюбленно-народная форма образования городов» и Великий Новгород в этом плане «быль первообразомъ, первоосновой, и главой, представителемъ этого вольно-народнаго, торгово-промышленнаго, земско-вечеваго самоустройства городовъ» [6, с. 783].

Дальнейшее разрастание новгородских владений А. П. Щапов связывал с деятельностью городских концов. Историк пытался воспроизвести алгоритм создания огромного пространства новгородских владений из этого ядра городского поселения, показать механизм формирования новгородской волости, проиллюстрировать на примере Новгорода законы складывания отдельных земель-федераций. Первоначально эта колонизация шла «путемъ торгово-промышленныхъ, *гостинныхъ становъ* и поселений – *погостовъ* и *рядковъ*, въ *чуди*, въ *лопи*, *межи родовъ карельскихъ* и проч., по озерно-речной, ильменской, ладожской и онежской системамъ». Затем, когда сам Новгород разделился на пять концов, колонизационный поток продолжился по этим направлениям, выливаясь в новгородские пятины «такъ что и все погощане, *поземщики*,.. *тянули* въ какой-либо изъ пяти концовъ» [5, с. 655–656]. И таким образом сложилась область новгородских пятин, которая представляла собой цельную федерацию окружных общин, связанных общей озерно-речною системой непосредственно с Новгородом. Потом начинался новый этап колонизации, когда уже сами новгородские колонии – отдельные местные общины начинали колонизировать пространства вокруг себя, разрастаться и распадаться по собственным речным водоразделам на отдельные земли.

Именно речные системы были, по А. П. Щапову, главным фактором выделения, обособления отдельных земель-областей. Ученый пытается не просто проследить потоки новгородской колонизации, но определить особенности социального состава первопроходцев на новые земли. Так, например, Двинская земля складывается по реке Двине и ее мелким притокам. Эти земли «колонизовались гостями, промышленниками, боярами, боярскими рабами, монастырскими поселениями и разными *повольниками* и *сбойчатыми людьми*». Область Вага, или Земля Важская, складывается по реке Ваге и ее притокам. Она была основана среди чуди, и колонизирована, по Щапову, «преимущественно бывшими новгородскими посадниками Своеземцовыми, разными переселенцами-боярами,.. и разными промышленниками – выходцами новгородскими, онежскими и заволоцкими». Вычегодская и Вымская Земля складывается среди зырян по реке Вычегде и ее притокам, Выми и Сыsole с Ужгою. Ее освоение велось «частью изъ Новгорода, но ближайшимъ образомъ изъ Двины, Вологды и Устюга». Поморская Область или Северное Поморье, осваивалась по многочисленным местным озерам и рекам, впадающим в Белое море. Первоначально это были «колонии *боярскихъ насельниковъ рабовъ*, потомъ умножившихся заселениями соловецкаго монастыря и разныхъ новгородскихъ выходцевъ, бобылей и казаковъ» [Там же, с. 656–657].

Поиск причин столь широкой новгородской колонизации, ее движущих начал приводит Щапова к распространенным в то время в научно-исторической среде рассуждениям о природно-географическом факторе. Он пишет о влиянии гор и моря на характер поселений («Море на волнахъ своихъ взлелеяло, вскормило изъ новгородцевъ могучихъ, крепкихъ, здоровыхъ, въ высшей степени смышленныхъ поморцевъ, и такимъ образомъ довело ихъ до физиологическаго преимущества предъ горными и болотными лопарями и корелами» [10, с. 178]), говорит о влиянии на новгородскую колонизацию истощения почвы [8, с. 218] и поиске нового «зверопромышленнаго эльдорадо», которым стало Белое море [Там же, с. 294].

Из всех новгородских колоний особой судьбой выделяются Приуральские земли, которые «первоначальную основу получили отъ Новгорода, но по совершенной отдельности речной системы и по особенности племенного состава и историко-этнографическаго самообразования, рано обособились отъ новгородскаго федеративнаго союза». Причину этого обособления А. П. Щапов опять же объясняет наличием здесь собственной речной системы: «Такъ какъ вятско-камская речная система и приуральская территория северными увалами совершенно отделялась отъ северо-двинской да и отъ всей новго-

родско-поморской территории, то Земля Пермская и Вятская, естественно, образовали новую, отдельную от Новгородской федеративной системы, приуральскую областную федерацию» [5, с. 660].

По мнению Щапова, возвращенные новгородской колонизацией фактории, при всем своем своеобразии, веками сохраняли некое единство, о чем свидетельствует, например, грамота 1636 года, где «связь эта характеризуется так: "*Соли вычегодской посадскимъ же и уезднымъ людемъ помогаютъ вымичи и сысолъцы, и во всемъ межъ себя считаются*"». Выделяемая ученым «полярно-балтийская система» отличалась тем, что ее земли «были соединены органическою, федеративною связью съ Новгородомъ, назывались *волостями и пригородами святой Софии и Новгорода*. Конфедеративное взаимодействие ихъ съ Новгородомъ выражалось во всей новгородской истории до эпохи московской централизации» [Там же, с. 657].

Стоит отметить, что пытаясь точнее охарактеризовать отношения, сложившиеся на землях новгородской колонизации, нащупать связующие их нити, Щапов легко переходит от «федерации» к «конфедерации» и обратно, видимо, не придавая этим терминам точного смысла. Для него главное – показать, что огромные пространства новгородских колоний, пятины выросшие из его концов, обретающая своеобразие и самобытность, никогда не теряли связь с метрополией – «во всехъ этихъ областяхъ текла одна жизнь и кровь новгородская, развивался новгородский духъ народной воли, общиннаго самоуправления, практической деятельности и промышленной предприимчивости, отважнаго *вольничества* и порывчатой, *сбойчатой* стремительности» [Там же, с. 657].

Эта «сбойчатая стремительность» содержалась в главной политической силе самого Новгорода, которой было вече. Как синонимы к вечевому принципу управления историк использует термины «земство», «мир», мирской сход». Демократические пристрастия А. П. Щапова становятся особенно заметны, когда он пишет об этом новгородском институте. Меняется даже сам тон повествования, речь начинает струиться, язык автора из тяжелого, обремененного сложными конструкциями, становится легким и образным.

Историки отмечали, что Щапов идеализирует новгородский вечевой строй [3, с. 13], но для ученого это имело принципиальное значение. Народопривство, мирское единодушие для него не просто примеры из новгородской жизни, это – идеал общественного устройства, та историческая основа, опираясь на которую можно строить свое будущее: «Только, при мирскомъ единодушии, при мирской сходчивости и инициативе, мы способны будемъ целымъ миромъ, целыми артелями или ассоциациями, разомъ, дружно, смело и решительно предпринимать на деле то, что задумали, не на словахъ только изъ пустого въ порожнее переливать, а ужъ встать и идти, на самое дело» [11, с. 767].

А. П. Щапов отмечает, что до становления Московского централизованного государства с его приказной системой, народные собрания – вече были во всех русских городах. Но «какъ принципъ естественно-жизненнаго, вольно-народнаго саморазвития» они полнее всего проявились именно «въ области новгородской колонизации». Противопоставление вольного вечевого порядка московскому приказно-бюрократическому строю, удушающему всяческую свободу и самостоятельность, прослеживается у Щапова повсеместно. Веча – это «полная демократическая свобода самовыражения народной жизни», они не нуждались в жесткой регламентации, «письменной уставности» – «какъ требовали события общинной городской жизни, когда и какъ нужно было, – такъ и сзывались вече». Состав вечевых собраний Щапов определял довольно просто – «все Новгородцы имели право быть на вече и быть на немъ всякий, кто могъ и хотель» [6, с. 786].

Ученый обратил внимание на то, что вечевые собрания в Новгороде имели разный уровень – от общегородского («Людского Собрания»), до вечевых сходов отдельных концов и улиц – «важныя общественныя интересы и дела, прежде окончательнаго обсуждения и решения на общемъ вече, требовали предварительнаго, частнаго соображения и обсуждетя *уличанъ* и *кончанъ*» [Там же, с. 792]. Кроме того, свои вече иногда собирали черные люди Новгорода, находясь в противостоянии с местным боярством [6, с. 789–790]. Т. е. вечевой институт в построениях А. П. Щапова предстает как подвижный, многосложный организм демократической власти, в противоположность жесткому приказно-бюрократическому порядку.

Общегородское вече обладало верховной властью – «законодательно было Слово Вечевое для всехъ и каждаго, какъ слово своего великаго государя Новгорода. Ему всецело покорны, повинны были князья, бояре, воеводы» [6, с. 787]. Говоря о «предметах ведения» общегородского вече, А. П. Щапов выделял следующие вопросы, которые оно решало:

Вече избирало, судило, свергало князя, поэтому никакой «излюбленный выборный князь вовсе не был самодержавнымъ и даже единодержавнымъ государемъ» в Новгороде [6, с. 787].

Вече избирало, судило и низводило посадников. Щапов отмечает, напоирая на прописные буквы, что «выборные посадники и тысяцкие были не более, какъ излюбленные нарядники, исполнители велений Мира, Людства, Народа и Веча, были слугами Земства» [6, с. 787–788].

Вече принимало жалобы народные на кого бы то ни было, защищало уездных горожан и крестьян от насилия сильных [6, с. 788].

Вече распоряжалось землями своей области, заведовало общественными городскими постройками [6, с. 789].

Вече обладало внешнеполитическими функциями, собираясь: «1) въ случае прибытия или отбытия велико-княжескаго посольства; 2) въ случае прибытия иноземнаго посольства; 3) въ случае объявления войны, назначения воеводы и отправления рати въ походъ; 4) въ случае заключения мира съ неприятелемъ» [6, с. 789].

Вече избирало и низлагало владык, игуменов, и даже решало религиозные, церковные вопросы [6, с. 788]. Своего владыку новгородцы привлекали к решению разных светских дел, и в тоже время его подчиненность городской общине была настолько сильна, что «иногда даже *простая чадь* сводила владыку изъ дому святой Софии» [7, с. 755]. А. П. Щапов вообще отмечает своеобразие новгородской церковной организации. По его мнению, оно было неразрывно связано с самим духом новгородской вольницы: «въ новгородско-поморскомъ населении развивался и духъ церковной особности, который отчасти поддерживался и шведскими перебежчиками-протестантами». Причины этой «церковной особности» историк видел в слабом распространении здесь официозной обрядности при господстве «часовенной религиозности» и в «новгородско-псковской привычке къ мирскому общинному само-распоряжению церковными делами». Поэтому новгородцы вообще были склонны «*собственнымъ умомъ, мыслью* уразумевать многия истины, склонны были къ простому натурально-религиозному мирозерцанию». Неслучайно именно здесь возникла ересь стригольников, сторонники которой отрицали внешнюю церковную обрядность и «проповедывали какой-то натуралистический, или, частнее, уранический деизмъ» [5, с. 670].

Кроме князей и церкви, новгородскому вечу подчинялось местное боярство – «бояре мало-помалу оземствоваались, обращались въ составъ земства, были слугами земства», получали от веча земли [7, с. 755].

В своих исследованиях А. П. Щапов обратил внимание на то, что особую роль в Новгороде играла «борьба земства съ боярствомъ, *меньшихъ людей съ вятшими*» [6, с. 789], вражда «хаотическая, бессознательная, инстинктивная» [13, с. 645]. Корни этой борьбы он видел в глубокой древности, в самом начале складывания Новгородской земли. Тогда «боярство, какъ чуждый пришлый княжеско-дружинный, и притомъ большею частью иноплеменный элементъ, очевидно, неловко, неестественно улегалось въ составъ земства, мутило, нарушало органическую целостность, единство, равенство мира, неестественно, изчужа, со стороны налегало на земство тяжестью своей власти и кормленья». Этот архаичный антагонизм земских низов с боярством и отражался в постоянной борьбе меньших людей с вятшими на вече. При этом, по мнению историка, всякий раз, как на вече случалась борьба «черни и боярства, – черные люди всегда выходили торжествующими» и «уничтоженные, смиренные меньшими черными людьми, бояре называли ихъ *братьями* и, какъ у братьевъ, просили *мира*» [6, с. 789, 790].

Отличительной, пожалуй, даже уникальной чертой выводов Щапова о природе вечевых собраний было его заключение об особом, нравственном характере вечевого устройства новгородской власти, общенародного принятия решений – «въ духе новгородскомъ... воспитывалась, неугасимо теплилась нравственная потребность самоусовершенствования въ духе братства, мира. Следовательно, нравственно-жизненны были и юные зачатки, ростки вечей. Въ нихъ самихъ заключались могучия, неистощимыя, свежая, здоровыя силы къ дальнейшему саморазвитию и самоусовершенствованию» [6, с. 793].

А. П. Щапов отмечал, что вечевые собрания сохраняли свое значение не только в самом Новгороде, но и во всех землях, куда дошла новгородская колонизация – «Народъ въ областяхъ до XV века пользовался полнымъ земскимъ самоуправлениемъ, выразившимся въ форме ... *земскихъ советовъ*, сельскихъ *мирскихъ сходовъ*, остатки которыхъ сохранялись еще въ XVI и отчасти XVII столетияхъ» [5, с. 663].

Обращаясь к теме противостояния Москвы с Новгородом историк рассматривает ее сквозь призму борьбы централизаторского начала («всепобивающей *зимы*») с федеративной областностью («весенне-жизненными ростками, зачатками естественной, общинной, социальной жизни народной» [6, с. 794]). Автор явно симпатизирует новгородцам, которые самоотверженно боролись за свои свободы – «при малейшем покушении московских князей порвать федеративную связь Новгорода с его волостями... возбуждался, потрясался весь организм вольной новгородской общины». Даже если только Москва покушалась на какую-нибудь часть новгородской полярно-балтийской системы, например, на Двину, «сейчас новгородцы, бояре и черные люди, богатые и убогие, отъ мала до велика собирались на вече и порешали: "пойдемъ или головы свои положимъ за землю св. Софии и Новгорода, или найдемъ волости и пригороды св. Софии и Новгороду"» [5, с. 657].

Московскую централизацию А. П. Щапов называет «противоестественной», противопоставляя ее новгородскому федерализму. Хотя сам Новгород тоже стремился не растерять своих колоний, прикрепить их к себе прочной связью, но исследователь отмечает, что в отличие от Москвы, Новгород, «простирая свои колонии все дальше и дальше, не силился нарушать свободаго развитая местных общинъ на особыхъ речных системахъ» [Там же, с. 658].

Говоря о борьбе Новгорода за независимость от Москвы, Щапов уделяет особое внимание идейной основе этого противостояния: новгородцы «свято берегли отъ московскаго прикосновения свой извекочечный заветъ вечевой... Новгородцамъ и псковичамъ дороги, святы были ихъ принципы вечевые, какъ дорога была самая жизнь, свобода, правда новгородская, или псковская» [6, с. 793].

Впрочем, А. П. Щапов выделяет и вполне естественные природные причины падения Новгорода. По его мнению, они кроются в истощении новгородской земли, которое вело к хлебным недородам, голоду и нарастанию зависимости от низовой земли [9, с. 551]. В результате «новгородская община, разрозненная... "братоненавидениемъ", "лихоиманиемъ" и крамолами партий, чуждая прогрессивныхъ началъ общиннаго братолюбия, человеколюбия, взаимнаго согласия и солидарности партий или концевыхъ и уличныхъ вечъ, не могла развиться въ прочную, внутренне-стройную, безусловную социально-демократическую республику», что и сделало возможным покорение Новгорода «подъ высокую и крепкую десницу московскихъ самодержцевъ» [13, с. 644–645].

Вообще же, по мнению А. П. Щапова, создание централизованного государства претило самому духу новгородско-псковского общинного самоуправления. В отличие от центральных областей, т. е. земель, лежащих около Москвы, тянувших к волжской речной системе и готовых «быть въ союзе и въ совете съ Москвою, по причине ихъ земской, колонизационной связи и внутренней однородности», земли новгородские с сухоно-двинскими областями, Казанское царство и Пермская Земля, т. е. территории «жившия много вековъ особою, отдельною жизнью», не сразу смогли свыкнуться с московской централизацией (или, по образному выражению А. П. Щапова «согласиться на любовный союзъ съ Москвою и съ Верховскими и низовыми городами» [5, с. 695]).

Противостояние московской («низовой») централизации и новгородского федерализма Щапов прослеживает и много позже, когда Москва все-таки собрала земли в единое государство, но его ослабление во время Смуты тут же пробудило новгородский сепаратизм. Но и в 1611 г., когда низовые города уже сговорились «на любовь, советъ и соединенье», в городах сухоно-двинской и полярно-балтийской системы «обнаруживалось даже стремление отделиться отъ Москвы, образовать особья государства, избрать своихъ царей» [5, с. 699–700].

Это противостояние сохранилось и в дальнейшем в «различии духовно-нравственнаго характера населения московско-волжскихъ и новгородско-поморскихъ областей» и проявилось во времена раскола, когда в центральных областях страны, по мнению А. П. Щапова, «возникъ расколъ *поповщинский*, клерикально-иерархический и просто *старообрядческий*, а въ новгородско-поморскихъ областяхъ – *безпоповщинский*, расколъ *церковно- и гражданско-демократический*» [5, с. 670].

Можно сказать, что в оценках Новгорода А. П. Щапов придерживался демократического направления отечественной историографии, но вместе с тем демонстрировал оригинальный ход мысли и своеобразие подходов к ряду сюжетов из новгородской истории. Его наблюдения над новгородским прошлым были вплетены в областническую концепцию ученого, новгородское своеобразие служило цементирующим элементом федералистского подхода к истории страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аристов Н. Я.* Афанасий Прокофьевич Щапов: (Жизнь и сочинения) // Соч. проф. Н. Я. Аристова. (Посмертное издание). СПб: тип. А. С. Суворина, 1883. 192 с.
2. *Лучинский Г. А.* Афанасий Прокофьевич Щапов (биографический очерк) // Щапов А. П. Сочинения в 3-х т. Т. 3. СПб.: издание М.В. Пирожкова, 1908. 830 с.
3. *Мартышин О. В.* Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М.: Российское право, 1992. 384 с.
4. *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. М.: Госполитиздат, 1941. 659 с
5. *Щапов А. П.* Великорусские области и смутное время (1606–1613) // Сочинения А. П. Щапова в 3-х томах. СПб., 1906. Т. I. С. 648–709.
6. *Щапов А. П.* Городские мирские сходы // Сочинения А. П. Щапова в 3-х томах. Т. I. СПб.: издание М. В. Пирожкова, 1906. С. 783–803.
7. *Щапов А. П.* Земство // Сочинения А. П. Щапова в 3-х томах. Т. I. СПб.: издание М. В. Пирожкова, 1906. С. 753–759.
8. *Щапов А. П.* Историко-географическое распределение русского народонаселения // Сочинения А. П. Щапова в 3-х томах. Т. II. СПб.: издание М. В. Пирожкова, 1906. С.182–364.
9. *Щапов А. П.* Миросозерцание, мысль, труд и женщина в истории русского общества // Сочинения А. П. Щапова в 3-х томах. Т. III. СПб.: издание М. В. Пирожкова, 1908. С. 431–642.
10. *Щапов А. П.* О влиянии гор и моря на характер поселений // Сочинения А. П. Щапова в 3-х томах. Т. II. СПб.: издание М. В. Пирожкова, 1906. С. 173–181.
11. *Щапов А. П.* Сельская община // Сочинения А. П. Щапова в 3-х томах. Т. I. СПб.: издание М. В. Пирожкова, 1906. С. 760–767.
12. *Щапов А. П.* Сельский мир и мирской сход // Сочинения А. П. Щапова в 3-х томах. Т. I. СПб.: издание М. В. Пирожкова, 1906. С. 768–782.
13. *Щапов А. П.* Сибирское общество до Сперанского // Сочинения А. П. Щапова в 3-х томах. Т. III. СПб.: издание М. В. Пирожкова, 1908. С. 643–717.

Поступила в редакцию 13.05.2022

Халявин Николай Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: nivakha@gmail.com

N.V. Khalyavin

VELIKY NOVGOROD IN THE WORKS OF A.P. SHCHAPOV

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-1-44-50

The article refers to the works of A. P. Shchapov, a Russian historian of the second half of the 19th century, who belongs to the democratic direction of Russian historiography. The analysis of reflection of the Novgorod history in the works of historian is given. The special role of Novgorod in the federalist concept of scientist was noted. Separate themes from Novgorod history are singled out, which have found their place in the works of A. P. Shchapov. The study of Novgorod colonization, the formation of a special "Polar-Baltic Federation", its historical and geographical characteristics and the peculiarities of the social composition of the participants in the colonization movement are considered. The assessment of the veche system of Novgorod, contained in the works of A.P. Shchapov, is carried out, and the main functions of veche meetings, which the historian singled out, are revealed. His attitude to the democratic structure of Novgorod and his opposition to the Moscow policy of centralization of the Russian state are defined. The conclusion is made about the key importance of Novgorod history for substantiating the federalist concept of the scientist.

Keywords: history of Veliky Novgorod, Russian historiography, A. P. Shchapov, federalist theory.

REFERENCES

1. *Aristov N. Ja.* Afanasij Prokof'evich Shchapov: (Zhizn' i sochinenija) [Afanasy Prokofyevich Shchapov: (Life and Works)]. Soch. prof. N. Ja. Aristova. (Posmertnoe izdanie). [Works of Professor N. Ya. Aristov. (Posthumous edition)]. St Petersburg, tip. A. S. Suvorina, 1883, 192 p. (In Russian).

2. *Luchinskij G. A.* Afanasij Prokof'evich Shchapov (biograficheskiy ocherk) [Afanasy Prokofyevich Shchapov (biographical sketch), Shchapov A. P. Sochinenija [Shchapov A. P. Works]. St Petersburg, izdanie M. V. Pirozhkova, 1908, vol. 3, 830 p. (In Russian).
3. *Martyshin O. V.* Vol'nyj Novgorod. Obshhestvenno-politicheskij stroj i pravo feodal'noj respubliki [Volny Novgorod. Socio-political system and law of the feudal republic]. Moscow, Rossijskoe pravo, 1992, 384 p. (In Russian).
4. *Rubinshtejn N. L.* Russkaja istoriografija [Russian historiography]. Moscow, Gospolitizdat, 1941, 659 p. (In Russian).
5. *Shchapov A. P.* Velikorusskie oblasti i smutnoe vremja (1606–1613) [Great Russian Regions and Time of Troubles (1606–1613)]. Sochinenija A. P. Shchapova [Works by A. P. Shchapov]. St Petersburg, izdanie M. V. Pirozhkova, 1906, vol. 1, pp. 648–709. (In Russian).
6. *Shchapov A. P.* Gorodskie mirskie shody [City Public Meetings]. Sochinenija A. P. Shchapova [Works by A. P. Shchapov] v 3-h tomah. St Petersburg, izdanie M. V. Pirozhkova, 1906, vol. 1, pp. 783–803. (In Russian).
7. *Shchapov A. P.* Zemstvo [Zemstvo]. Sochinenija A. P. Shchapova [Works by A. P. Shchapov]. St Petersburg, izdanie M. V. Pirozhkova, 1906, vol. 1, pp. 753–759. (In Russian).
8. *Shchapov A. P.* Istoriko-geograficheskoe raspredelenie russkogo narodonaselenija [Historical and geographical distribution of the Russian population]. Sochinenija A. P. Shchapova [Works by A. P. Shchapov]. St Petersburg, izdanie M. V. Pirozhkova, 1906, vol. 2, pp. 182–364. (In Russian).
9. *Shchapov A. P.* Mirosozercanie, mysl', trud i zhenshhina v istorii russkogo obshhestva [World outlook, thought, labor and woman in the history of Russian society]. Sochinenija A. P. Shchapova [Works by A. P. Shchapov]. St Petersburg, izdanie M. V. Pirozhkova, 1908, vol. 3, pp. 431–642. (In Russian).
10. *Shchapov A. P.* O vlijanii gor i morja na harakter poselenij [On the influence of mountains and the sea on the nature of settlements]. Sochinenija A. P. Shchapova [Works by A. P. Shchapov]. St Petersburg, izdanie M. V. Pirozhkova, 1906, vol. 2, pp. 173–181. (In Russian).
11. *Shchapov A. P.* Sel'skaja obshhina [Rural community]. Sochinenija A. P. Shchapova [Works by A. P. Shchapov]. St Petersburg, izdanie M. V. Pirozhkova, 1906, vol. 1, pp. 760–767. (In Russian).
12. *Shchapov A. P.* Sel'skij mir i mirskoj shod [Rural world and worldly meetings]. Sochinenija A. P. Shchapova [Works by A. P. Shchapov]. St Petersburg, izdanie M. V. Pirozhkova, 1906, vol. 1, pp. 768–782. (In Russian).
13. *Shchapov A. P.* Sibirskoe obshhestvo do Speranskogo [Siberian society before Speransky]. Sochinenija A. P. Shchapova [Works by A. P. Shchapov]. St Petersburg, izdanie M. V. Pirozhkova, 1908, vol. 3, pp. 643–717. (In Russian).

Received 13.05.2022

Khalyavin N.V., Candidate of History, Associate Professor at Department of Russian History
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: nivakha@gmail.com